

А. В. Лебедев

ТО АΠΕΙΡΟΝ: НЕ АНАКСИМАНДР, А ПЛАТОН
И АРИСТОТЕЛЬ*

οὐ μόνον τί ἐστίν,
ἀλλὰ καὶ εἰ ἐστίν, ἀπορεῖν ἀναγκαῖον.

Arist. Phys. 209a30

I

ТЕРМИНУ τὸ ἀπειρον у Анаксимандра посвящена немалая герменевтическая литература. В своем исследовании о бесконечности у досократиков Лео Суини приводит 23 интерпретации, предложенные только с 1947 по 1970 г.¹ Но к моменту, с которого Суини начинает свой обзор, минуло уже почти полтора столетия с тех пор, как Шлейермахер дал толчок многочисленным попыткам определить «значение», «сущность» и т. д. «Бесконечного» Анаксимандра, и 100 лет назад это уже была классическая проблема с богатой историей². Аутентичность самого термина всегда считалась (и до сих пор считается) чем-то настолько самоочевидным, что вопрос о ней ставить просто не принято, и когда Классен, подводя в Энциклопедии Паули-Виссова итоги анаксимандроведения за много десятилетий, пишет, что в принадлежности Анаксимандру термина τὸ ἀπειρον нет «никакого сомнения», то он только выражает вслух молчаливый consensus omnium³. Этот редкий consensus нарушается, насколько мне известно, двумя исключениями. Мысль о том, что τὸ ἀπειρον принадлежит языку Аристотеля и доксографии, а не Анаксимандра, obiter высказал Валентин Розе в 1854 г. в связи с проблемами совсем иного рода⁴. Поводом послужило свидетельство псевдоаристотелевского трактата De Melisso Xenophane Gorgia (975b 21sq), согласно которому Анаксимандр полагал первоначалом воду. Розе увидел в этом тексте

* Результаты этого исследования были резюмированы в тезисах доклада «Реконструкция космогонии Анаксимандра» (См. «Симпозиум по структуре балканского текста», М., 1976, стр. 25—30), которые одновременно служат дополнением настоящей статьи в некоторых пунктах. В этом номере публикуется первая часть статьи.

А. И. Доватур, прочитавший статью в рукописи, сделал несколько замечаний, но они лишь капля той неопенимой помощи, которую автор получал от него много лет и без которой эта работа никогда бы не появилась.

¹ L. Sweeney, *Infinity in the presocratics: a bibliographical and philosophical study*. The Hague, 1972, ch. I («Secondary literature on Anaximander»), стр. 1—54.

² Fr. Lütze, *Über das ΑΠΕΙΡΟΝ Anaximanders*, Lpz, 1878, стр. 40—51. В дополнение к Sweeney см. библиографию в статье Классена «Anaximandros»: RE. Suppl. XII (1970), стб. 67—69.

³ Classen, ур. соч., стб. 44.

⁴ Val. Rose, *De Aristotelis librorum ordine et auctoritate commentatio*. Bero- lini, 1854, стр. 72. Для возражавшего ему Целлера (*Die Philosophie der Griechen*, I². Lpz, 1892, стр. 221), он был, по-видимому, исключением во всем XIX в.

не противоречие Аристотелю, а вполне правомерную (и по мнению Розе — удачную) попытку специфицировать на основании *Meteor.* 2,1. 353b 6sq, ср. 12 A 27 DK родовое обозначение τὸ ἄπειρον, которое сам Аристотель и не думал приписывать Анаксимандру qua термин (причину такого употребления Розе не объяснял).

Совсем другим путем, и даже не зная, что у него был предшественник, пришел к отрицанию аутентичности Роберт Айслер в 1910 г. Отождествляя космогоническую ἀρχή Анаксимандра с божеством времени в теокосмогониях Ферекида и орфиков (и постулируя для всех трех общий иранский источник), он писал, что сам Анаксимандр называл ее не абстрактно — субстантивированным прилагательным среднего рода τὸ ἄπειρον, а — ποιητικώτερος ὄνομασι — и как и подобает для мифологического существа: Χρόνος (или Αἰών) ἄπειρος⁵. Айслер указывал при этом на следы, оставленные, по его мнению, настоящим именем «бесконечного» в доксографии⁶, но придавал им второстепенное значение: он был глубоко убежден, что реконструировал оригинал благодаря испосефической дивинации, чуть ли не минуя тексты (!), и считал полученный результат триумфальным достижением метода Вольфганга Шульца⁷. Айслер допускал, что оригинала не знали уже Аристотель и Теофраст: они имели в руках не собственное сочинение Анаксимандра, а сборник placitorum (ср. *Diog. Laert.* II, 2: τῶν ἀρσιζόντων ἢ ἐκθροῦς), вышедший из более рационализированной традиции позднейшей милетской школы, и моделью переоформления считал neutrum τὸ πᾶν Анаксимена⁸. То, что тезис Айслера никогда не имел ни малейшего резонанса (кроме восклицательных знаков), не вызывает удивления: Zahlensymbolische Onomatomantik в качестве аргументации надежно отпугивала от него исследователей, и даже Синниге, утверждавший недавно, подобно Айслеру, что «бесконечное» Анаксимандра — не что иное, как божество времени, не сомневается в том, что оно имело абстрактное имя τὸ ἄπειρον⁹.

Почему сам вопрос об аутентичности правомерен?

Начать с констатации простого факта: термин τὸ ἄπειρον не засвидетельствован для Анаксимандра текстуально, т. е. не существует никаких аутентичных текстов Анаксимандра, в которых подлинность этого термина была бы гарантирована контекстом¹⁰, равно как не существует надежных косвенных свидетельств терминологического характера¹¹.

⁵ R. E i s l e r, *Weltenmantel und Himmelszelt. Religionsgeschichtliche Untersuchungen zur Urgeschichte des antiken Weltbildes*, t. II, München, 1910, стр. 506, прим. 2; см. стр. 518, где постулируется древний (догомеровский) иранский культ первоначально лунного бога Года (или Времени) в Малой Азии, испытывавший сильное влияние вавилонской астральной религии; «зерванистическая космогония этого культа продолжала жить, с одной стороны, «в мистериях Митры и в некоторых неавестийских парсийских сектах» и, с другой, — «в орфическом предании о безначальном прасуществовании Χρόνος (Αἰών) ἄπειρος или ἀγῆρατος и учении о космогонической сперме этого бога в теогониях Ферекида из Сироа и Анаксимандра из Милета».

⁶ E i s l e r, ук. соч., стр. 423, прим. 2.

⁷ Там же, стр. 665; наиболее приглядный образец (стр. 667): A (1) + I (9) + Ω (24) + N (13) = 47, A (1) + P (17) + X (22) + H (7) = 47, igitur APXH=AIΩN.

⁸ Там же, стр. 665, прим. 1.

⁹ Th. G. S i n n i g e, *Matter and Infinity in the Presocratic Schools and Plato*, Assen, 1968, стр. 1—14.

¹⁰ Если Гранц в DK I, 89, 11—12 поместил под литерой «В» доксографический текст, то он не стал от этого аутентичным фрагментом и согласование τὸ ἄπειρον, ἐξ ὧν не стало ничуть реальнее даже от ссылок Чернисса и других на множественность «всего».

¹¹ См. прим. 44. О преодолении конструкций и терминологии Ликия как методологическом принципе исследования ранней греческой философии уже писал К. К. Зельман (О методах и перспективах исследования ранней греческой философии, ВДИ, 1972, № 1, стр. 38—58).

Если из Аристотеля, Теофраста и всей зависящей от Теофраста доксографии извлекаются сообщения типа «Анаксимандр принимал τὸ ἀπειρον в качестве ἀρχῆς», то в плане языка это ровным счетом ни о чем не говорит: у Аристотеля можно прочесть, что все его предшественники принимали τὸ ἀπειρον в качестве ἀρχῆς (Phys. 203a 3, 203b 4)! Consensus (кстати, как увидим ниже, далеко не полный) Аристотеля и всей доксографической традиции, на который ссылается Классен? Но Аристотель, Теофраст и вся зависящая от Теофраста доксография с таким же точно постоянством и согласием называют «материальные начала» Анаксагора τὰ βιοιομερῆ (позднее αἱ βιοιομερεῖαι), и это термин не Анаксагора (ср., например, И. Д. Рожанский, Анаксагор, М., 1972, стр. 110), а Аристотеля, сам Анаксагор, как мы знаем из фрагментов, говорил о «семенах» (σπέρματα). Между тем, τὸ ἀπειρον ничуть не менее редкий и не менее важный термин Аристотеля, чем τὰ βιοιομερῆ (тоже субстантивированное прилагательное среднего рода!): в Index Aristotelicus Бопитца первый занимает примерно в два раза больше места, чем второй.

Говоря о τὸ ἀπειρον в связи с Анаксимандром (или другими досократиками), Аристотель и Теофраст в любом случае пользуются своим собственным термином и говорят на своем собственном языке. Этот их термин может совпадать с термином Анаксимандра, а может (как в случае с τὰ βιοιομερῆ Анаксагора и во многих других случаях) и не совпадать. Если Аристотель считал необходимым переводить на более современный язык терминологию Анаксагора, который жил за 100 лет до него и писал строгой научной прозой, то почему (как это обычно предполагается) он «несомненно» не мог делать то же самое с терминологией Анаксимандра, который жил за 200 лет до него, писал в «довольно поэтических выражениях» и в космогонии еще не вполне отпочковался от генеалогического мифа? Где гарантия, что τὸ ἀπειρον, оригинал, а не его перипатетический перевод? В том, что этот вопрос не был сознательно поставлен и не стал обязательно предшествовать вопросу «о сущности, значении и т. д. Анаксимандра апейрона» во времена Целлера и Дильса, когда историю ранней греческой мысли писали на языке Аристотеля и самый τέλος реконструкции досократиков видели в как можно более точном воспроизведении того, что о них говорилось в Φυσικῶν Δοξῶν Теофраста, — нет ничего удивительного; то, что он не возник сам собой после работ Чернисса и Мак-Дайрида, — просто загадка.

Анализ свидетельств Аристотеля и Теофраста — единственных реальных посредников между Анаксимандром и нами — приводит к мысли, что, отрицая аутентичность, Розе и Айслер в конечном счете были правы, а основанный на молчаливом и непроверенном допущении consensus — нет. Более того, предложенный Айслером оригинал (Χρόνος, но не Αἰών!) при абсолютной непригодности его исопсефической аргументации, и совершенно независимо от нее, имеет немало шансов на то, чтобы оказаться подлинным именем космогонической ἀρχῆς Анаксимандра. Ниже приводятся аргументы в пользу неаутентичности τὸ ἀπειρον для Анаксимандра (А) и опыт реконструкции оригинала обычными (неисопсефическими) средствами (В) (в котором, по вполне понятным причинам, не будет притязаний на то, чтобы знать больше Теофраста; альтернативное допущение должно рассматриваться как ultimum refugium). В (А) входят: негативные указания Аристотеля (1), свидетельство языка (2), прочтение свидетельств Аристотеля (3) и Теофраста (4) с позиции предварительного незнания, а не с целью найти в них подтверждение того, что заранее известно из компендиев и других мест. Пункт (В), непосредственно затрагивающий реконструкцию космогонии Анаксимандра, не мог и не должен был быть

рассмотрен здесь со всеми деталями, и дан лишь постольку, поскольку разбивает и закрепляет основной тезис этой работы: платоновская и аристотелевская абстракция τὸ ἀπειρον лишь в новое время в результате укоренившегося недоразумения стала ассоциироваться специально с Анаксимандром; античность и не подозревала о существовании особого «Анаксимандрова апейрона», доставившего столько хлопот новоевропейской герменевтике (сама манера транслитерировать этот греческий термин именно и только в связи с Анаксимандром несомненно поддерживала вокруг него ауру исключительности и аутентичности!), а столь привычная для традиционной истории греческой философии последовательность, как «вода, ἀπειρον, воздух» в действительности столь же абсурдна, как «дерево, вещество, камень» или «белое, цвет, зеленое».

(A1) Arist. Phys. III 4. 203a3 слл.: πάντες ὡς ἀρχὴν τινα πιδεῖσι τῶν ὄντων (sc. τὸ ἀπειρον): οἱ μὲν ὡς περ Πυθαγόρειοι καὶ Πλάτων, καθ' αὐτό, οὐχ ὡς συμβεβηκός τινι ἑτέρῳ, ἀλλ' ὡς οὐσίαν αὐτὸ ὄν τὸ ἀπειρον... οἱ δὲ περὶ φύσεως ἅπαντες ἀεὶ ὑποτιθέασιν ἑτέραν τινα φύσιν τῷ ἀπειρῷ τῶν λεγομένων στοιχείων· οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ τὸ μεταξὺ τούτων.

«Все полагают бесконечное неким принципом вещей. Одни, как Пифагорейцы и Платон, — бесконечное само по себе: не как акциденцию чего-то иного, а как самобытную сущность... а все физики всегда делают субстратом (подлежащим) бесконечности какую-нибудь другую субстанцию из так называемых элементов, как-то: воду, воздух или промежуточное между ними».

Независимо от того, идентичен ли Анаксимандр с анонимным теоретиком «промежуточного» правещества или нет, Аристотель не мог забыть о нем и не включать в οἱ περὶ φύσεως ἅπαντες: в этой же главе, чуть ниже (203b 14), именно Анаксимандр репрезентирует «большинство физиологов» (Ἀναξίμανδρος καὶ οἱ πλείστοι τῶν φυσιολόγων). Итак, у пифагорейцев и Платона «бесконечное» — сущность, субстанция, у всех физиков всегда — акциденция другой сущности. Переводя это на язык грамматики¹², мы можем сказать, что пифагорейцы и Платон *субстантивируют* «бесконечное» и превращают его в существительное (а из фрагментов Филолая и «Филеба» мы знаем, что это действительно так), а у всех физиков оно всегда предикат, прилагательное к другому существительному: бесконечная вода, бесконечный воздух, бесконечное промежуточное вещество (как бы оно ни называлось в оригинале)¹³. Никто из физиков никогда не полагает в качестве ἀρχή «бесконечное», абстрагированное от других субстанций, или — в плане языка — прилагательное ἀπειρον, отвлеченное от других существительных и превращенное в самостоятельное существительное τὸ ἀπειρον.

Утверждение Селигмана¹⁴, что ἅπαντες Аристотель написал по «недосмотру» (oversight), мы можем отбросить не только как предвзятое (т. е. основанное на опережающем чтении первоисточника знания того, что Анаксимандр говорил и что — нет), но и безусловно неверное: Аристотель настойчиво повторяет свое наблюдение в 5-й главе Альфы «Метафизи-

¹² В несколько заостренной формулировке Бенвениста (Э. Бенвенист, Категории мысли и категории языка, в кн.: Общая лингвистика, М., 1974, стр. 107), стремясь определить все возможные предикаты бытия, Аристотель, сам того не подозревая, открыл фундаментальные категории языка, в котором он мыслит.

¹³ См. прим. 42.

¹⁴ P. Seligman, The Apeiron of Anaximander. A Study in the Origin and Function of metaphysical Ideas, L., 1962, стр. 38.

1987а10 слл.), где оно хорошо согласуется с отсутствием в историческом очерке о «принципах» (Metaph. A 3—9) сакраментальной фразы «Анаксимандр за ἀρχή принял τὸ ἀπείρον» (впервые в таком именно виде она появилась у Теофраста).

Архαι пифагорейцев здесь противопоставляются *всем предшествующим мнениям о принципах* и современным им, но доплатоновским (μέχρι μὲν οὖν Πλάτωνος καὶ χωρὶς ἐκείνων). То *новое*, что привнесли пифагорейцы (τοσοῦτον δὲ προσέθεσαν) и что среди доплатоновских философов составляет их *отличительную черту* (ὁ καὶ ἴδιον αὐτῶν ἐστὶ), сводится к следующему: «ограниченное, бесконечное (τὸ ἀπείρον) и единое они стали рассматривать не как свойства каких-либо других субстанций (буквально: «не как какие-либо другие субстанции: οὐχ ἑτέρας τινας φηθήσαν εἶναι φύσεις») ¹⁵ как-то: огонь, земля или что-либо иное, подобное, но само бесконечное (τὸ ἀπείρον) и само по себе единое (стали полагать) сущностью того, в чем они предидируются (οὐσίαν εἶναι τούτων ὃν κατηγοροῦνται)».

Никто из допифагорейских философов не принимал за ἀρχή «бесконечное как таковое», но только тела, предикатом которых была бесконечность. Самый естественный смысл слов Аристотеля в плане языка: «то пифагорейцев и кроме них (до Платона) никто не субстантивировал «бесконечное», оно было атрибутом и прилагательным «при тех существительных, которыми обозначались ἀρχαι: „огонь, земля или что-либо иное, подобное“».

(A2) Το ἀπείρον (субстантивированное посредством артикля прилагательное среднего рода единственного числа) — при том, что это стабильный термин Аристотеля, — ни разу не встречается в аутентичных фрагментах (цитатах verbatim из) досократиков ¹⁶. Косвенным образом впервые надежно засвидетельствовано для Демокрита как обозначение пространства ¹⁷, вероятно — terminus technicus для бесконечного экстракосмического пространства в противоположность внутримирной и междуатомной пустоте ¹⁸. Ἀπείρον здесь не чистая абстракция бесконечности, а обозначение другой субстанции — пустоты, и χεῶν, по-видимому, подразумевалось (ἀπείρον χεῶν opp. μέγα χεῶν)? Ср. ἡ ἀπειρος (sc. χώρα : Diels) у Левкиппа (A I; II, 70, 29 DK); этот пример, кроме того, показывает, что термин развился внутри атомизма, а не получен в готовом виде из традиции (разумеется, от Анаксимандра!), вопреки Кану ¹⁹. Будучи de facto предикатом пространства, такое ἀπείρον несомненно, не могло само в свою очередь иметь грамматических определений. Πέραс и ἀπείρον пифагорейцев? Во фрагментах Филолая, фиксирующих пифагорейское словоупотребление второй половины V в., стоит еще довольно архаический и менее

¹⁵ Это место совершенно верно передано А. В. Кубицким в старом переводе 1934 г. и именно смысла в новом, «сверленном» переводе (А р и с т о т е л ь, Соч. в 4-х томах, т. I. М., 1975, стр. 78).

¹⁶ См. H. Diels, W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker ⁶, Bd. III: Wortindex, s. v. ἀπειρος. Ксенофан В 28 (I, 135, 17) — не исключение, так как ἐς ἀπείρον имеет здесь адverbialный смысл. Толкование Ф. Клеве (F. Cleve, The Giants of the presophistic Greek Philosophy, Den Haag, 1965, стр. 11—14 (Earth arrives at the infinite) невозможно как с точки зрения языка (отсутствие артикля), так и с точки зрения смысла, ибо противоречит всей античной традиции (21 A 47; A 33 = I, 122, 36 DK): все же Эмпедокл и Аристотель знали греческий язык хуже, чем Ф. Клеве?

¹⁷ Democ. A 37 K = 172 Лурье (цитата из Περί Δημοκρίτου Аристотеля у Симпликия in de caelo, 294) προσαγορεύει δὲ τὸν μὲν τόπον τοῖσδε τοῖς οὐρανῶσι τῷ τε μεγάλῳ καὶ τῷ ὀυδανίῳ καὶ τῷ περὶω.

¹⁸ Ср. С. Я. Лурье, Демокрит, Л., 1970, стр. 74.

¹⁹ Ch. Kahn, Anaximander and the Origins of greek Cosmology, N. Y., 1960, стр. 234.

абстрактный плюралис τὰ ἀπειρα οὐρ. τὰ περαινόντα (44 В 1, 2, 6)²⁰, причем в доксографических дублетах этих фрагментов (Aet. 1, 3, 10 = А 9; ср. I, 407, 12 DK), — позднейший сингулярис τὸ ἀπειρον οὐρ. πέρας. Форма сингуляриса в пифагорейской συστοιχία противоположностей у Аристотеля (58 В 5 DK) и др. должна быть обусловлена языковой редакцией IV в.²¹ Правдоподобно ли, что (1) дофилолаевские пифагорейцы (как нередко думают, сам Пифагор и притом не без влияния еще более древнего Анаксимандра!)²² употребляли для обозначения своих «принципов» абстрактный сингулярис τὸ ἀπειρον οὐρ. πέρας; (2) в эпоху Филолая неожиданно появился неуклюжий плюралис τὰ ἀπειρα οὐρ. τὰ περαινόντα и, наконец, (3) Платон (Phileb. 23c сл.) лишь возродил изящную абстрактную терминологию, бытовавшую в старину и потом забытую? Ясно, что стадии (1) либо не было, либо она не отличалась от (2). Даже Зенон и Мелисс, для которых проблемы, связанные с бесконечностью, были центральными, не поднялись еще на такую ступень абстракции, чтобы говорить о «бесконечном, как таковом» (τὸ ἀπειρον): «бесконечное» в их фрагментах только предикат «сущего», «величин» и т. д. (Зенон В 1,3 — только плюралис; Мелисс В 2, 3, 4, 6, 7) Τὸ ἀπειρον — только в парафразах Симпликия к тем фрагментам Мелисса, где оно отсутствует (I, 269, 12; 269,16; 273,18 DK).

«Бесконечное как таковое», выраженное субстантивом τὸ ἀπειρον, не могло родиться вместе с греческой философией, бесследно исчезнуть почти на 200 лет и затем всплыть у Платона — едва ли кто-нибудь захочет с этим спорить. Но можно согласиться с этим, и ответить словами Чернисса: «До Платона и название и понятие абстрактного качества были неизвестными, и то, что мы называем качеством, для всех досократиков было характеристикой, которая не могла рассматриваться отдельно от того, характеристикой чего она была. ΤΟ ΑΠΕΙΡΟΝ в этом отношении ничем не отличается от такого обозначения, как ΤΟ ΘΕΡΜΟΝ. Как это последнее не означает „теплота“ в Аристотелевском или нашем смысле — абстрактное качество, которое не может быть ничем иным, кроме самого себя, но — „то, что является теплым“ или „все теплые предметы“, которые, будучи теплыми, в то же самое время могут иметь много других характеристик, так и первое означает „то, что неограничено“, хотя помимо этой важной характеристики, оно может иметь и другие характеристики тоже»²³. Действительно, грамматическая субстантивация в греческом языке не обязательно влечет за собой логическую субстанциа-

²⁰ Сингулярис один раз в 11 фрагменте (ὅστις ... τὸ ἀπειρον I, 412, 10 DK). Но фрагмент этот имеет «риторический характер» (K. von Fritz, RE, Suppl. XIII (1975), s. v. «Philolaos», стб. 464), резко отличающий его от группы 1—6, и едва ли написан до Платона и Аристотеля: к такому выводу приходит В. Буркерт (W. Burkert, Weisheit und Wissenschaft, Tübingen, 1962, стр. 254), считающий аутентичными фр. 1—7, 13, 17. Позиция С. J. de Vogel (Les fragments dits de Philolaos, in: Philosophia I, Assen, 1970, стр. 54, 76): признавая невозможность ὅστις «не сомневаться в аутентичности всего фрагмента» — не понятна, точно так же как и tradizionale significato термина ὅστις nel pensiero presocratico, о котором говорит М. Timpanaro (S. Cardini, Pitagorici, Testimonianze e frammenti, fasc. II, Firenze, 1969 (1962), стр. 218).

²¹ Далекий от радикализма Эриха Франка Буркерт (ук. соч., стр. 45 сл.) датирует таблицу IV в. и видит ее составителя в Спевзиппе.

²² Например, J. A. Philip, Pythagoras and Early Pythagoreanism, Toronto, 1966, стр. 108.

²³ H. Cherniss, The characteristics and Effects of Presocratic Philosophy, in: D. J. Furley and R. E. Allen, Studies in Presocratic Philosophy, vol. I, L., 1970, стр. 7 сл.

лизацию, особенно в ранних текстах. Хорошо известный пример: 126-й фрагмент Гераклита τὰ ψυχρὰ θέρεται, θερμὸν ψύχεται и т. д. Τὰ ψυχρὰ и θερμὸν здесь не выражают «сущность того, о чем они предикцируются», а определенно являются «предикатами других вещей»: «что холодно — становится горячим, что горячѳ — становится холодным» и т. д. Вправе ли мы здесь вообще говорить о субстантивации? С одной стороны, — да, так как τὰ ψυχρὰ etc. не имеют определяемого существительного (и оно не подразумевается), во-первых, и являются подлежащим предложения, т. е. замещают существительное, во-вторых. С другой стороны, — нет, так как τὰ ψυχρὰ etc. сохраняют еще предикативный смысл прилагательного и сами не могут, подобно полноценному существительному, определяться другими прилагательными. Это — переходная ступень на пути от прилагательного к существительному. Ее можно назвать слабой, релятивной или гетеропредикативной субстантивацией, и следует отличать от сильной, абсолютной или автопредикативной, имеющей своим результатом полноценное существительное-сущность²⁴. Сильно субстантивированное τὸ ἀπειρον — хотим мы того или нет — влечет за собой абстракцию бесконечности и для Анаксимандра исключается (если только мы не хотим видеть в нем чудесного предтечу Платона). Если же вместе с Черниссом и другими мы допустим для Анаксимандра τὸ ἀπειρον как продукт слабой субстантивации («то, что бесконечно»), то «божественный, бессмертный и т. д. апейрон» станет невозможным, так как продукт слабой субстантивации не может иметь эпитетов, а фраза τὸ ἀπειρον ἀθάνατον ἐστίν не будет означать ничего иного, кроме «что бесконечно (или „все, что бесконечно“) — то бессмертно» и никакого опредмеченного «Бесконечного», «апейрона», «Das Apeiron» содержать в себе не будет²⁵. Для того чтобы говорить о «вечном и нестареющем Бесконечном», Анаксимандру понадобилась бы вся та абстрактная опредмеченность и «чтойность», которую впервые вложил в τὸ ἀπειρον Платон. Нас не удивит теперь, что единственные, бесспорно аутентичные эпитеты анаксимандровой ἀρχή — αἰδώς και ἀγήρωσ предание сохранило отнюдь не в форме среднего рода.

(А 3). Начнем с текста, который всегда (и справедливо) признавался за locus classicus и основное свидетельство о τὸ ἀπειρον Анаксимандра: Arist. Phys. III 4. 203b 10 — 12 A 15; I, 85, 17 слл. διὸ καθάπερ λέγομεν, οὐ ταύτης ἀρχή, ἀλλ' αὐτῆ τῶν ἄλλων εἶναι δοκεῖ και περιεχεῖν ἅπαντα και πάντα κυβερνᾶν, ὡс φασι ὅσοι μὴ ποιῶσι παρὰ τὸ ἀπειρον ἄλλας αἰτίας, οἷον τοῦν ἤ φιλίαν. και τοῦτ' εἶναι τὸ θεῖον ἀθάνατον γάρ και ἀνώλεθρον, ὡс φησιν ὁ Ἀναξίμανδρος και οἱ πλεῖστοι τῶν φυσιολόγων. «Поэтому, как мы утверждаем, у этого начала (= у бесконечного) нет начала, оно само представляется началом других вещей, и объемлет все, и всем управляет, как говорят, кто не принимает иных причин, кроме бесконечного, как-то: ум или дружбу. И оно-то и есть божество: ибо оно бессмертно и не

²⁴ Грамматики этой дистрикции не дают, ср. E. S c h w y z e r, Griechische Grammatik, Bd II. München, 1950, стр. 174 слл.

²⁵ Надо отметить Буркепра (Iranisches bei Anaximandros, «Rheinisches Museum», 106 (1963), стр. 132, прим. 100), предположившего, что по крайней мере в самом начале книги Анаксимандра ἀπειρον было употреблено предикативно: ἀρχή πάντων ἀπειρον (Das Neutrum des Adjektivs als Prädikat) и лишь затем ἐκ δὲ τοῦ ἀπειρον (ср. M. L. West, Early Greek Philosophy and the Orient, Oxf., 1971, стр. 71, которому также τὸ ἀπειρον without preparation представляется невозможным). Последнее в таком случае означает: «а из того, что бесконечно...», и читатель Анаксимандра вправе был бы спросить, «а что же собственно бесконечно?». Надо полагать, что Анаксимандр не ответил бы на этот вопрос, как платоновский Сократ «бесконечно — Бесконечное».

подвержено гибели, как говорит Анаксимандр и большинство физиологов».

Еще раз: «...как говорят те, кто не принимает иных причин (*αἰτίας*), кроме τὸ ἄπειρον, как-то: ум или дружбу».

Для того, кто не загипнотизирован почерпнутым из компендиев представлением о каком-то специально Анаксимандровом «апейроне», о котором здесь будто бы идет речь, из слов Аристотеля безошибочно вырисовывается следующая картина:

	<i>αἰτία</i>
Анаксагор:	τὸ ἄπειρον + νοῦς
Эмпедокл:	τὸ ἄπειρον + φιλία [~ νεῖκος]
Анаксимандр и большинство физиологов:	τὸ ἄπειρον без ничего

Представляется совершенно очевидным, что этот пассаж либо вообще лишен всякого смысла, либо имеет его в одном единственном случае: если τὸ ἄπειρον употреблено здесь с платоновским оттенком и стоит вместо ὀλίγον αἴτιον²⁶. Особенно наглядно это видно на примере Эмпедокла, которого сам же Аристотель чуть выше (203 а 18 ср. *Simpl. Phys.* 458, 29 слл.) исключил из числа философов, допускавших в какой бы то ни было форме бесконечность. Оснований приписывать этот термин Анаксимандру не больше, чем для того, чтобы приписывать его Анаксагору, Эмпедоклу и большинству физиологов». «Υλη как *terminus technicus* для обозначения «материи» (орр. μορφή, εἶδος «форма») ввел в греческую философию Аристотель²⁷. Но 18-летний Стагирит не пришел в Академию со своей готовой терминологией. Хорошо известно, что «гиломорфизм» Аристотеля в другой терминологической оболочке существовал в Платоновой оппозиции ἄπειρον — πέρας, установленной в «Филебе» и развившейся затем в ἀγράφους δόγμασι в оппозицию ἀρίστος δυάς — ἐν. Корреляция оказывается здесь тем более точной, что Аристотель допускал существование ὀλη νοητή «умной материи», точно так же как Платон постулировал второе ἄπειρον в качестве идеальной материи для κόσμος νοητός²⁸. Не было бы ничего удивительного,

²⁶ В отличие от современных толкователей этого места последнее хорошо понимал Симпликий in *Phys.* 465, 5 слл. «Поэтому те, кто полагает началом одно только τὸ ἄπειρον и не принимает в расчет каких-либо других причин, подобно тому, как Анаксагор — ум, а Эмпедокл — любовь и ненависть, довольствовались для (объяснения) происхождения всех вещей субстанцией бесконечности и этим материальным началом (τῆ τοῦ ἀπειροῦ φύσει καὶ τῆ ὀλιγῆ ταύτῃ ἀρχῇ) (13) „божественной“ они называют (эту) причину (τὸ αἴτιον) как потому, что она — начало, так и потому, что она безначальна и неуничтожима... (19) и если они говорили, что бесконечное „объемлет“ и „управляет“, то в этом нет ничего удивительного, ибо свойство быть объемлющим присуще материальной причине (τῷ ὀλιγῷ αἴτιῳ), поскольку она пронизывает все» и т. д. Столь же однозначен Филопон in *Phys.* 407, 13 Vitelli: ὅσοι, φησί, τῶν πάλαι φυσιολόγων μὴ ἀπέβλεψαν εἰς τὸ ποιητικὸν αἴτιον... οὗτοι ἦν ὑπέθευτο ὀλην... ἄπειρον τε αὐτὴν ὑπέθευτο... καὶ ταύτην εἶναι τὸ θεῖον κτλ.

²⁷ B o n i t z, *Index Aristotelicus* 785 а 1 слл.; LSJ, s. v. III, 2; L. C e n c i l l o, Hyle, Madrid, 1958, стр. 27—31.

²⁸ Об ἄπειρον Платона см. C. J. D e V o g e l, *La theorie de l'ΑΠΕΙΡΟΝ chez Platon et dans la tradition platonicienne-Philosophia*, I Assen, 1970, стр. 378—395; O n a ж e, *Problems concerning Plato's later doctrine-Philosophia*, I, стр. 256—292, особенно стр. 264 и слл.; S i n n i g e, *Matter and Infinity...*, стр. 210 слл.; J. S t e n z e l, *Zahl und Gestalt bei Platon und Aristoteles*, Darmstadt³, 1959, стр. 68 сл.; R. M o n d o l f o, *L'infinito nel pensiero dell' antichita classica*, Firenze, 1956, стр. 403 сл.; А. Ф. Л о с e в, *История античной эстетики*, т. 2, М., 1969, стр. 254 сл. Об ἄπειρον Аристотеля: А. E d e l, *Aristotle's theory of the infinite*, N. Y., 1934; M o n d o l f o, ук. соч., стр. 455 сл.; F. S o l m s e n, *Aristotle's System of the Physical World*, Ithaka, N. Y., 1928, стр. 160 сл. (отмечено влияние Платона); K. v. F r i t z, *Das ἄπειρον bei Aristo-*

если бы молодой Аристотель сказал τὸ ἀπείρον там, где зрелый Аристотель непременно сказал бы ὄλη. Трактат (лекция) о «бесконечном» (Phys. III 4—8), откуда взят наш пассаж, даже несмотря на полемику с учителем, завершается выводом, который совсем не странно услышать от ученика Платона (207 b 35): ὡς ὄλη τὸ ἀπείρον ἐστὶν αἰετὸν «бесконечное является причиной в качестве материи» (ср. также 207 a 21). Этот трактат, как и вся III книга «Физики», сам по себе считается довольно ранним²⁹ и написан, вероятно, в академический период. Между тем, разбираемый пассаж (по крайней мере, III 4. 203 b 4—15, но может быть и вся предшествующая часть 4-й главы, за вычетом некоторых вставок) должен принадлежать намного более ранней редакции, так как находится в разительном противоречии с основным текстом, и несомненно написан совсем молодым Аристотелем-платоником³⁰: 1. Пассаж начинается с одобрения предшественников, полагавших τὸ ἀπείρον в качестве ἀρχή: εὐλόγως δὲ καὶ ἀρχὴν αὐτὸ τιθέασιν πάντες «Логично все полагают бесконечное принципом». Ниже (204 a 30) читаем, что «полагать бесконечное принципом невозможно» (οὐκ ἐνδέχεται αὐτὸ ἀρχὴν λέγειν). В первом случае Аристотель находится в согласии с «Филебом», где τὸ ἀπείρον — фундаментальный принцип бытия, во втором — со своим собственным воззрением на «бесконечное» как на συμβεβηκός и нечто, существующее только в потенции.

2. Аристотель присоединяется к мнению, что «бесконечное все объемлет»: καθάπερ λέγομεν...δοξεῖ...περιέχειν ἅπαντα. Ниже он решительно против этого возражает: III 6.207a 30 ἀποπὸν δὲ καὶ ἀδύνατον τὸ ἀγνώστον καὶ τὸ ἀόριστον (sc. τὸ ἀπείρον) περιέχειν καὶ ὀρίζειν «Абсурдно и невозможно, чтобы непознаваемое и неопределенное („бесконечное“) было объемлющим и определяющим». Из комментария Симпликия к этому месту видно, что Аристотель полемизирует здесь не с Анаксимандром, как иногда думают³¹, а с Платоном, и мысль о том, что τὸ ἀπείρον «материя» πάντα περιέχει, могла быть не чужда в свое время Аристотелю-платонику: Simpl. Phys. 503, 12. τὸ γὰρ Πλάτωνος ἐν τοῖς Περὶ ταχάδος λόγοις εἰπόντος τὸ μέγα καὶ τὸ μικρὸν τὴν ὄλην, ἣν καὶ ἀπείρον ἔλεγε, καὶ περιέχεσθαι ὑπὸ τοῦ ἀπείρου πάντα τὰ αἰσθητὰ καὶ ἀγνώστα εἶναι διὰ τὸ ἐνὸλον καὶ ἀπείρον καὶ ρευστὴν εἶχειν τὴν φύσιν κτλ. «В рассуждениях „О благе“ Платон определил материю как «большое и малое»; он называл ее также „бесконечное“ [= „неопределенное“] и говорил, что все чувственно воспринимаемое объемлется бесконечным и непознаваемым, так как имеет материальную, бесконечную и текучую природу...»

Итак, «τὸ ἀπείρον πάντα περιέχει» — слова Платона. Даже эпитеты «бесконечного»: ἀδύνατον καὶ ἀνώλεθρον, которые Аристотель вкладывает

teles, in: Naturphilosophie bei Aristoteles und Theophrast, hrsg. v. I. Düring, Heidelberg, 1969, стр. 65—84; J. H i n t i k a, Aristotelian infinity, Philos. rev. 75 (1966), стр. 197—248; P. M o r a u x, Introduction к изданию Aristote, Du Ciel, P., 1965, стр. LX сл., а также комментарий Г. Вагнера к «Физике» (см. прим. 29), стр. 498 сл.

²⁹ Дюринг (D ü r i n g, RE, Suppl. XII, s. v. Aristoteles, стб. 232) считает книги III—IV написанными «in einem Zuge» после первых двух, которые consensus аристотелеведов относит к самым ранним. Ранней считали III книгу: W. J a e g e r, Aristoteles. V., 1923, стр. 313 и — в паре с IV кн. W. D. R o s s, Aristotle's Physics, Oxf., 1936, стр. 8. Обзор хронологических теорий см. Aristoteles Werke in Deutscher «Übersetzung», Bd. 11: H. W a g n e r, Physikvorlesung, B., 1972, стр. 360—368.

³⁰ Текст отдельных книг «Физики» содержит различные хронологические пласты, точно так же, как и весь трактат в целом; ср. W a g n e r, ук. соч., 274 слл.

³¹ F. S o l m s e n, Anaximander's Infinite: Traces and Influences, Arch. Gesch. Phil., 44 (1962), стр. 109—128, а также Дильс и Крапц, поместившие эту полемику с Платоном в testimonia к Анаксимандру (A 14 = I, 85, 9 слл.)! Тот же самый текст К. Гафзер (K. G a i s e r, Platons ungeschriebene Lehre, Stuttgart, 1963, стр. 533) совершенно справедливо включил в свое собрание свидетельств об ἵγρααα δογμααα Платона (№ 53A).

в уста «Анаксимандру и большинству физиологов», представляют собой, по верному замечанию Классена, *Platonische Formel*³² (ср. *Phaedo* 88 в; 106 в, с) и потому (вопреки самому Классену и другим) ввиду I, 84,1 не принадлежат Анаксимандру.

3. Известное своим паралогизмом доказательство тезиса $\tau\acute{o} \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu = \acute{\alpha}\rho\chi\eta$ (203 в 6—10), с которого начинается А 15, содержит отчетливые реминисценции рассуждения об $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ в Платоновом «Федре» (*Phaedr.* 245 d 1—6)³³. Да и сам паралогизм, основанный на подмене значения $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ — «принцип» значением «начало» (орр. «конец») вполне в духе платоновской игры словами и оттенками смыслов, но мало вяжется с профессорским стилем зрелого Аристотеля. Аристотель отнюдь не приписывает это диалектическое упражнение Анаксимандру³⁴ (*καθάλαρον λέγομεν*). Поэтому тезис Кана, согласно которому Аристотель и Платон (так же как и Мелисс В 2) независимо друг от друга черпают из одного и того же источника — Анаксимандра, неприемлем до очевидного. Но он интересен как последовательное доведение экзегезы «Бесконечного» до ее логического конца и *reductio ad absurdum* ее исходной посылки: если в центре своей системы Анаксимандр поставил абстрактное $\tau\acute{o} \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$, то у него должна была быть и абстрактная диалектика, с помощью которой он это понятие конструировал³⁵. Остается только согласовать эту диалектику с серединой VI в., с геокоsmографическим содержанием книги Анаксимандра, с ее вычурно-метафорическим языком, а также подумать над тем, каким образом это диалектически выведенное «Бесконечное» извергало космическую сперму (или яйцо), А 10.

4. Наконец, самый важный аргумент — утверждение Аристотеля (203 в 4) что в с е (sic!) полагают $\tau\acute{o} \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$ в качестве $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ (ср. 203а 3). Утверждение это непосредственно предшествует тому тексту, с которого начинается 12 А 15 и оставлено в собрании Дильса-Кранца за пределами свидетельства, вероятно, затем, чтобы создать у читателя максимум впечатления, будто речь идет о каком-то особом, одному только Анаксимандру присущем, «das Apeiron». Однако у Аристотеля именно так и написано: $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}$ (scil. $\tau\acute{o} \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$) *τιθέασσι πάντες!* Как это надо понимать?

Толкователи «Бесконечного» Анаксимандра, полагаясь на Дильса-Кранца, обычно избегают этого вопроса, хотя Аристотель говорит об $\acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu = \acute{\alpha}\rho\chi\eta$ Анаксимандра *exempli gratia* — по его мнению, это универсальное учение; в лучшем случае, как это делает Сольсен³⁶, нам говорят, что Аристотель занимается здесь «манипуляциями», которым мы ни в коем случае не должны верить, так как... Анаксимандр «был и остается единственным» физиком, чьим принципом было «Бесконечное как таковое». Но откуда это еще может быть известно, как не из того же самого пассажа Аристотеля?! Вопрос следует поставить так: если $\tau\acute{o} \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$ — такой важный философский принцип ($\acute{\alpha}\rho\chi\eta$), что о нем учили в с е без исключения предшествен-

³² C l a s s e n, RE, Suppl. XII, стб. 36.

³³ Что не ускользнуло от Симпликия, *Phys.* 464, 25 слл.

³⁴ Не говоря уже о I, 85, 21—29 (пассаж этот уже был источником недоразумений).

³⁵ Ch. K a h n, *Anaximander and the arguments concerning the apeiron at Physics 203b 4—15*, in: «Festschrift Ernst Kapp», Hamburg, 1958, стр. 22 слл. На стр. 25 так и написано: *Anaximander's dialectic*. Кан проглядел еще одну параллель, тем более интересную, что перед нашим пассажем Аристотель говорит о Демокрите: *Arist. de gener. anim.* II 6. 742 b 17 = 13 Лурье *οὐ καλῶς δὲ λέγουσιν ... ὡσπερ Δημόκριτος ... ὅτι τοῦ μὲν ἀπείρου οὐκ ἐστὶ ἀρχή...* (где $\tau\acute{o} \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$ — хороший образец слабой или релятивной субстантивации). Отметим, что рассуждение, которое Аристотель здесь так решительно отвергает, в нашем пассаже он произносит от первого лица (*καθάλαρον λέγομεν*).

³⁶ S o l m s e n, ук. соч., стр. 119.

зники Аристотеля, то почему в первых главах *Μεταφυσικῆς*, в специальном исследовании об *ἀρχαῖς* предшественников, об этом не сказано ни слова, и *τὸ ἀπείρον* занимает скромное место принципа одних только пифагорейцев? И ответить на него так: в *Φυσικῆς* Γ 4 *ἀρχή*, принимаемая в с е м и предшественниками Аристотеля — *τὸ ἀπείρον*, в *Μεταφυσικῆς* Α 3 слл. — *ὄλη*; вывод: Аристотель говорит об одной и той же *ἀρχή*, но только в первом случае называет ее платоновским термином, а во втором — своим собственным, и между двумя пассажижами лежат, быть может, многие годы развития Аристотеля от Платона к самому себе³⁷. «Все полагают *τὸ ἀπείρον* в качестве *ἀρχή*» надо читать: «все полагают в качестве *ἀρχή* то, что на платоновском языке называется *τὸ ἀπείρον*, т. е. материю».

Таким образом, главное свидетельство об «апείроне» Анаксимандра примет следующий вид (I, 85, 18 слл.): «(материя) объемлет все и всем управляет, как говорят те, кто не принимает, кроме материи (материальной причины), иных причин, как-то: ум или дружба (движущей причины). И она-то (по их мнению) и есть Божество, ибо она бессмертна и не подвержена гибели, как говорит Анаксимандр и большинство физиологов».

Слова «и большинство физиологов» (здесь = монистов ионийского типа)³⁸, которые толкователи Анаксимандра «апείрона» обычно предпочитают не замечать, при таком прочтении впервые приобретают естественный смысл: большинство натурфилософов-монистов учили о вечности, неуничтожимости и божественности материи, и обходились при этом без особой движущей причины. Термин *κυβερνᾶν* (который обычно безапелляционно приписывают Анаксимандру) Аристотель мог взять в свое суммарное изложение у любого из этих физиологов, скорее всего, у Диогена³⁹. А если учесть, что погруженный в собственное исследование и платонизирующий Аристотель неточно цитирует эпитеты Анаксимандровой *ἀρχή* (в аутентичном виде их сохранил прилежный доксограф Ипполит), то (как это ни грустно!) приходится констатировать, что информационная ценность текста, считавшегося чуть ли не самым главным свидетельством о философии Анаксимандра, близка к нулю⁴⁰.

Для сравнения можно привести еще один (бесспорный) пример, где Аристотель в пассаже, написанном в период академического платонизма,

³⁷ Хотя, быть может, и в пределах I Афинского периода: Дюринг (D u r i n g, RE, Suppl. XII, стб. 275) относит Альфу «Μεταφυσικῆς» к *Akademiezeit*.

³⁸ Ср. *Simpl. Phys.* 458,19: «Физиками Аристотель имеет обыкновение называть тех, кто имеет дело с физической частью философии, и в особенности тех из них, кто пользуется либо одним только материальным началом, либо преимущественно им», и 459,8 слл.: Эмпедокл и Анаксагор, вводящие «движущую причину», в прямом значении (*κινῆσις*) уже не *φυσικοί*. С «большинством физиологов» ср. *De Caelo* I 5, 271b 2 «Существует ли *σῶμα ἀπείρον* как полагало большинство древних философов...».

³⁹ В 5 DK: *καὶ ὑπο τοῦτου (sc. τοῦ ἀπείρου ἀέρος) πάντα κυβερνᾶσθαι ... αὐτὸ γὰρ μοι τοῦτο θεὸς εἶναι δοκεῖ. Ср. у Аристотеля... καὶ πάντα κυβερνᾶν... καὶ τοῦτ' εἶναι τὸ θεῖον (sc. τὸ ἀπείρον δοκεῖ).*

⁴⁰ Таким образом, фр. 12 В 3 в собрании Дильса — Кранца — не фрагмент. О том, почему *τὸ θεῖον* не может принадлежать Анаксимандру, см. аргументацию Властоса (Gr. V l a s t o s, *Presocratic Theology and Philosophy*: Furley a. Allen, I, стр. 114, прим. 75). Возражение Гатри (W. K. C. G u t h r i e, *A History of Greek Philosophy*, vol. I, Cambr., 1967, стр. 89, прим. 1) «ср. *τὸ ἀπείρον*» теперь приобретает прямо противоположный смысл и говорит в пользу неаутентичности. Ср. прим. 39. Единственное слово в Α 15, которое принадлежит (может быть, даже по случайному совпадению) Анаксимандру, — глагол *περιέχειν*, но дополнением к нему в геокоsmографическом трактате Анаксимандра было не абстрактное *ἅπαντα*, а конкретное *κόσμος* или *κοίτη* может быть, *ὄρανος* (I, 84, 2). Слова *τὸ ἀπείρον πάντα περιέχειν*, как уже сказано, принадлежат Платону.

излагает досократовскую теорию в чисто платоновских терминах ⁴¹: *Metaph.* A8, 989 b 17, где можно прочитать, что Анаксагор полагал два принципа (*ἀρχαί*): Единое и Иное (*ἓν καὶ ἄτατον*), причем «иное» надо понимать как *οἷον τιθεμεν τὸ ἀόριστον πρὶν ὀρισθῆναι καὶ μεταστῆν εἶδος τινός* «то, что мы (= философы платоновской школы!) полагаем неопределенным, прежде, чем оно получит определение и приобщится к какому-нибудь эйдосу (форме)». На платоновском языке *ἄτατον* здесь можно было бы пояснить и как *ἄπειρον*, и Аристотель действительно называет так «материю» Анаксагора в другом месте: *Phys.* III 5. 205 b 1 *Ἀναξαγόρας δ' ἀτοπῶς λέγει περὶ τῆς τοῦ ἀπειροῦ μονῆς· στηρίζει γὰρ αὐτὸ αὐτὸ φησι τὸ ἀπειρον...* где *τὸ ἀπειρον* — первоначальная смесь до первого толчка, произведенного «Нусом», т. е. «материальная причина» до воздействия на нее «движущей причины».

Понять это тем легче, что в «Филебе» Платона «причиной смещения» бесконечного-материи (*τὸ ἀπειρον*) и предела-формы (*πέρας*) был космический *Νοῦς* (с явными намеками на Анаксагора, *Phil.* 28 с сл.).

Сходным образом Плутарх (*De Iside*, 48.370 E) говорит, что в качестве *ἀρχαί* Анаксагор принимал *νοῦν καὶ ἀπειρον* и из контекста видно, что *ἄπειρον* здесь имеет пифагорейско-платоновский смысл, соответствующий перипатетической *ὄλη* (ср., например, *Anaxag.* A 42: *Ἀναξαγόρας ἔφη τὴν τοῦ παντός ἀρχὴν νοῦν καὶ ὄλην*).

Оставляя в стороне спорные свидетельства о «промежуточном» веществе ⁴², обратимся еще к одному тексту из Аристотеля, который относится большинством исследователей, вслед за DK, к Анаксимандру и нередко рассматривается как свидетельство о *τὸ ἀπειρον*: *Phys.* Γ 5.204 b 22 = 12 A 16. Приведем только самое существенное: *εἰδὶ γὰρ τινες οἱ τοῦτο (sc. τὸ παρὰ τὰ στοιχεῖα) ποιοῦσι τὸ ἀπειρον, ἀλλ' οὐκ ἄερα ἢ ὕδωρ κτλ.* «Есть кое-кто, кто именно это (= «отличное от элементов») принимает в качестве *τὸ ἀπειρον*, а не воздух или воду...».

Допустим, что Симпликий (*ad loc.*) прав, и «кое-кто» — это Анаксимандр. Получим:

	<i>τὸ ἀπειρον</i>
Фалес, Гилпон	вода
Анаксимен, Диоген	воздух
Анаксимандр (?)	«отличное от элементов»

Анаксимандр отождествлял *τὸ ἀπειρον* (бесконечный материальный континуум, или, как говорит тут же Аристотель: *ἄπειρον σῶμα* «бесконечное тело») с чем-то помимо элементов, в отличие от физиков, отождествлявших *τὸ ἀπειρον* с водой или воздухом (ср. чуть ниже, *Phys.* 205 a 25 слл. *οὐθεὶς τὸ ἓν καὶ ἀπειρον πῦρ ἐποίησεν οὐδὲ γῆν, ἀλλ' ἢ ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ τὸ μέσον αὐτῶν*). Оснований для того, чтобы говорить о *τὸ ἀπειρον* Анаксимандра, ровно столько же, сколько для того, чтобы говорить о *τὸ ἀπειρον* Фалеса или Анаксимена. Желая извлечь отсюда суждение об *ἀρχή* Анакси-

⁴¹ C. J. De V o g e l, *Philosophia*, I, стр. 274: «How strongly Aristotle at the beginning of his own metaphysical theory was dominated by the thought of two ultimate principles, the One and the Indefinite, may also be seen by his interpretation of Anaxagoras in *Metaph.* A8».

⁴² В единственном (из 9) месте, где Аристотель как будто цитирует анонимного физика, *ἄπειρον* — прилагательное: *De Caelo*, III, 5.303 b 12 *ὁ περιέχειν φασὶ πάντας τοὺς οὐρανούς ἀπειρον ὄν*. Пассажи *De gener.* 332 a 18 слл. и 329 a 8 слл., которые приводит Kirk, *Some Problems: Furlley a. Allen* I, стр. 329 сл. (даже если допустить, что речь идет об Анаксимандре), ничего не доказывают. В первом из них — *τὸ ἀπειρον καὶ τὸ περιέχον*. Сравнив с цитатой в *De Caelo* III, 5, можно убедиться, что *τὸ ἀπειρον* с таким же успехом могло быть получено из *ἄπειρον ὄν*, как *τὸ περιέχον* из *περιέχειν*.

мандра мог бы сказать, что он принимал в качестве материального начала τὸ ἀπειρον, не определяя это ἀπειρον (в отличие от других физиков) ни как воду, ни как воздух. В эскерпте из Теофраста у Диогена (I, 81, 9 DK) мы именно это и читаем: (Ἀναξίμανδρος) ἔφραζε καὶ ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον τὸ ἀπειρον οὐ διορίζων ἄερα ἢ ὕδωρ (verbatim из Аристотеля) ἢ ἄλλο τι⁴³. Кроме Phys. Γ 4, имеется еще два места Аристотеля, в которых он говорит о «материи» Анаксимандра, и при этом упоминает его имя: Phys. I 4, 187 a 20 слл. и Met. XII 2, 1069 b 19. Первое из них приведено в собрании Дильса-Кранца не полностью (A 16 = I, 85, 36 слл.), второе не приведено вообще (дана только ссылка: I, 86, 3). И это понятно: ни в том, ни в другом τὸ ἀπειρον не упоминается. В первом случае читаем: ἐκ τοῦ ἑνός... с опущенным в DK пояснением ἐκ τοῦ μίγματος. Во втором: Ἐμπροσθεν τοῦ μίγματος καὶ Ἀναξίμανδρου. Легко ли поверить, что «смесь» — это аристотелевская интерпретация Анаксимандрова абстрактного τὸ ἀπειρον, когда Теофраст (Phys. opin. fr. 4) прямо у нас на глазах переводит (συμβαίνει αὐτόν...λέγειν) «смесь» Анаксагора как τὸ ἀπειρον (φύσις τοῦ ἀπειρου)!

(A 4) Перейдем к Теофрасту⁴⁴. То что в своих суждениях о «принципах» досократиков Теофраст зависит от Аристотеля и часто повторяет verbatim его формулировки, — хорошо известный факт⁴⁵, который не могут отрицать даже те, кто подчеркивает независимость

⁴³ Это понимал Розе (De Aristotelis librorum ordine, loc. cit.). Отметим одну странность: «отличное от элементов» правешество подозрительно напоминает «кормилецу» «Тимея» (49 a слл.) и сама формулировка τὸ παρὰ τὰ στοιχεῖα, ἐξ οὗ τὰ πάντα γεννῶσιν переключается с Tim. 48 b, где Платон говорит, что до него никто еще не показал γένεσιν τῶν στοιχείων. Мало того, корреляция четырех качеств и четырех элементов πῦρ θερμόν, ἀήρ ψυχρόν, ὕδωρ ὑγρόν (γῆ ξηρὰ Аристотель не упоминает, но ср. οἶον) принадлежит другу Платона (ср. 2-е Письмо, 314 d), знаменитому сицилийскому врачу Филестиону из Локр (Anon. Lond. XX, 25 sq.) влияние которого на Платона предполагалось не раз (см. Oxford Classical Dictionary², s. v. Philistion, стр. 817 и цитированную там литературу).

⁴⁴ J. V u r n e t, Early Greek Philosophy³, L., 1920, стр. 54, прим. 2) полагал, что слова Теофраста у Симпликия (A 9; I, 83, 4) ἀρχὴν τὰ καὶ στοιχεῖον εἶρηκε τῶν ὄντων τὸ ἀπειρον, πρῶτος τοῦτο τοῦνομα κομισσας τῆς ἀρχῆς означают «Анаксимандр первым ввел это название (τὸ ἀπειρον) материальной причины», а не «Анаксимандр первым ввел (сам) этот термин ἀρχή», как их чаще всего понимали и понимают. Его мнение защищали K i r k, Some Problems in Anaximander = Furley — Allen, I, 324. Вейкос, Κοσμολογία, 36—41 и с поправками M e D i a r m i d, Furley — Allen, I, стр. 188, прим. 31. В силе остается возражение фон Фритца (ар. K a h n, Anaximander, стр. 32, прим. 1): если Анаксимандр был первый φύσις, назвавший свое «материальное начало» τὸ ἀπειρον, то кто был хотя бы второй? Ни Бернет, ни его последователи на этот вопрос не ответили. Вейкос (ук. соч., 38) ссылается на Мелисса и Пифагора (!). Обе ссылки — ср. выше (A2) — irrelevantны. Однако и традиционное толкование наталкивается на ничуть не меньшие трудности. Здесь достаточно указать на (требующую подробного обоснования) третью, до сих пор игнорированную возможность: понять ὄνομα как «имя прилагательное» (ср. Sext., Adv. math., I, 222). Анаксимандр первым дал своему «началу» эпитет «бесконечный». За ним последовал Анаксимен со своим «бесконечным воздухом» и т. д.

⁴⁵ I. V. M e D i a r m i d, Theophrastus on the presocratic causes: «Harvard Studies in Classical Philology», 61 (1953), стр. 85—156; перепечатано с сокращениями в Furley — Allen, I, 1970, стр. 178—238. На 4-м Symposium Aristotelicum Гигона (O. G i g o n, Die APXAI der Vorsokratiker bei Theophrast und Aristoteles, in: Naturphilosophie bei Aristoteles und Theophrast, стр. 114—123) выступил с тезисом, что основные доксографические комплексы теоретических трактатов Аристотеля Phys. I, 2—4; Metaph. I, 3—9 хронологически не предшествуют «Учениям натурфилософов» Теофраста, а предполагают их уже написанными и относятся к ним так же, как скажем, теоретическая «Политика» — к дескриптивно-историческому «Политику» (в этой связи об участии учеников Ликия в составлении серии «Политий» см. осторожные замечания А. И. Доватура — Политика и Политии Аристотеля, М., 1965, стр. 116). Тезис Гигона a priori не содержит в себе ничего невозможного, но несколько удачно подобранных сопоставлений здесь ничего не могут решить.

Теофраста в целом⁴⁶. Поскольку в историческом очерке об *ἀρχαί* в Альфе «Метафизики» имя Анаксимандра отсутствовало, где Теофраст мог узнать мнение учителя об *ἀρχή* Анаксимандра, как не в *Phys. Γ 4*? И действительно, влияние этого пассажа на доксографию Теофраста об Анаксимандре отмечалось не раз⁴⁷. Одного этого достаточно, чтобы утверждать, что, определяя «материальное начало» Анаксимандра как *τὸ ἄπειρον*, Теофраст (его слова отражены у Ипполита, A11 = I, 84, 3 и Симпликия, A 9 = I, 83,4 Ἀναξίμανδρος...ἀρχὴν τε καὶ στοιχεῖον εἴρηκε τῶν ὄντων τὸ ἄπειρον) воспроизводил язык не Анаксимандра, а Аристотеля (а последующая доксография — вплоть до наших дней — Теофраста). Подкрепим этот тезис следующими наблюдениями. Во-первых, *Simpl. Phys. 27,11 = Physic. Opin. fr. 4 = 59 A 41*, откуда видно, что Теофраст *вслед за Аристотелем* обозначал термином *τὸ ἄπειρον* материю и Анаксимандра и Анаксагора: καὶ ταῦτα φησὶν ὁ Θεόφραστος παραπλησίως τῷ Ἀναξίμανδρῳ λέγειν τὸν Ἀναξαγόραν ἐκείνος (sc. Ἀναξαγόρας) γὰρ φησὶν ἐν τῇ διακρίσει τοῦ ἁπείρου κτλ.

Ниже Теофраст перетолковывает первоначальную смесь Анаксагора как *μία φύσις ἀόριστος καὶ κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος* «единая субстанция, неопределенная и по виду, и по величине» — Анаксагор именно это хотел сказать, но не мог ясно выразить мысль! (ὅπερ ἂν δοξείτε βούλεσθαι λέγειν) — и делает вывод: «выходит, что он (Анаксагор) полагает два принципа: субстанцию бесконечности и ум (*τὴν τε τοῦ ἁπείρου φύσιν καὶ τὸν νοῦν*), так что представляется совершенно очевидным, что телесные элементы он трактует одинаково с Анаксимандром». Филологи XIX в. хорошо знали, что в этом толковании «материи» Анаксагора Теофраст опирался на 8-ю главу Альфы «Метафизики» (989 b 17), подчас слово в слово повторяя Аристотеля⁴⁸. Мы уже видели, что в этом пассаже Аристотель говорит как платоник. Анаксагор, по его словам, из всех доплатоновских философов ближе всего подошел к Платону в учении о принципах, но сам не мог толком его изложить. Теофраст, следуя Аристотелю, представил Анаксагора предвосхитившим два принципа «Филеба» — *τὸ ἄπειρον* (или *φύσις τοῦ ἁπείρου* — тоже филебовский термин, ср. *Phil. 18 a, 24 e, 25 d, 28 a*) и *νοῦς*. Теофраст, однако, говорит одновременно об *τὸ ἄπειρον* Анаксагора и Анаксимандра и едва ли применительно к Анаксимандру он вкладывает в этот термин другой смысл. В «Филебе» *τὸ ἄπειρον* = *summum genus τῶν ἐναντίων*, и далеко не в последнюю очередь — *θερμοῦ καὶ ψυχροῦ* (24 a слл.). *Τὸ ἄπειρον* «Филеба» *περιέχει* (в логическом смысле) «горячее и холодное». «Материя» Анаксимандра, Анаксагора и Архелая «выделяет» противоположности (прежде всего «горячее и холодное», а у Анаксимандра и Архелая — именно и только их), следовательно, «содержит» их в себе. Разве не естественно было дать ей платоновское название *τὸ ἄπειρον*?

Климент Александрийский (*Protr. 5, 64 = Dox. 129*) опирался на восходящую к Теофрасту традицию, когда писал, что Анаксимандр, Анаксагор и Архелай, «превзойдя элементы», «воспели *τὸ ἄπειρον*», т. е. «неопределенно-бескачественную материю», причем «двое последних поставили над бесконечностью ум».

⁴⁶ K a h n, *Anaximander...*, стр. 17 слл.

⁴⁷ Ср. K i r k, *Some problems* = Furley — Allen, I, стр. 325. Так уже Дильс (*Doxographi Graeci* стр. 476, прим. 6).

⁴⁸ H. D i e l s, *Doxographi Graeci*, Berolini, 1879, стр. 479, прим. 13: «haec translulit Theophrastus ex Ar. Metaph. I 8» со ссылками на Целлера и Лютце.

Возможно также, что, следуя обозначению Аристотелем в Физике Г 4 «материи» всех физиологов термином τὸ ἀπειρον, Теофраст называл так (наряду с «воздухом») ἀρχή Анаксимена, откуда могло возникнуть нелепое Диогеново 13 А 1 ... ἀρχὴν ἀερα εἶπε καὶ τὸ ἀπειρον. Наконец, А 14 (этот текст Аэтия принято считать основанным на Теофрасте, хотя, возможно, он представляет собой непосредственную вычитку из Аристотеля): здесь трудно найти хоть одну фразу, не вычитанную из Аристотеля, преимущественно из трактата περὶ ἀπειρου. Заметим, что в третируемых экзегетами «апейрона» за неисторизм в словах Аэтия «бесконечное есть не что иное, как материя» (τὸ γὰρ ἀπειρον οὐδὲν ἄλλο ἢ ὕλη ἐστίν) гораздо больше исторической истины, чем во всех толкованиях несуществующего «божественного апейрона», так как один термин Аристотеля они корректно проясняют другим (ср. Arist., Phys. III, 7, 207 b 35 ὡς ὕλη τὸ ἀπειρόν ἐστιν αἴτιον). Слова Аэтия «он (Анаксимандр) ошибается, не говоря, что есть τὸ ἀπειρον: воздух, вода, земля или какие-либо иные тела» опять подразумевают, что другие физики говорят, что есть τὸ ἀπειρον, и в сущности представляют собой конспект полемики Аристотеля в Phys. Г 5. 204 b 30 sq. с «кое-кем», отождествлявшим «бесконечный материально-чувственный континуум» (τὸ ἀπειρον) не с одним из эмпирических элементов, а с «отличным от них». Ни у Теофраста, ни у Аристотеля τὸ ἀπειρον еще не стало каноническим обозначением Анаксимандрова «начала», каким этот термин стал после них. Мы видели уже, что в двух из трех раз Аристотель называет «начало» Анаксимандра не τὸ ἀπειρον, а τὸ μίγμα. Теофраст наряду с τὸ ἀπειρον употреблял несколько уклончивые выражения φύσις τις ἀπειρος или φύσις τις τοῦ ἀπειρου, которые приводят нас к проблеме реконструкции оригинала. Она будет рассмотрена в следующей статье.

ТО АΠΕΙΡΟΝ : NOT ANAXIMANDER BUT PLATO AND ARISTOTLE

A. V. Lebedev

The enormous literature on the ἀπειρον of Anaximander starts from the unspoken and unverified assumption that the term is authentically Anaximandrian. The author regards this assumption as open to question, and having posed the question answers it with a downright negative. His article is in two parts: negative (A), where he argues against authenticity, and positive (B), where he attempts a reconstruction of the original name of Anaximander's ἀρχή.

(A) Aristotle says (*Phys.* 203a4, cf. *Metaphys.* 987a10) that of his predecessors only the Pythagoreans and Plato regarded the «infinite» as a substance, while all the «natural philosophers always» regarded it as an attribute of «another substance». In the language of grammar that means that only the Pythagoreans and Plato substantivised the adjective ἀπειρος, while «all natural philosophers» used the term precisely as an adjective, modifying «another substantive». Aristotle's observation is fully confirmed by the genuine usage of the Pre-Socratics and there are no grounds for not accepting it. Moreover in the fragments of Philolaus we find also an archaic substantivisation in the use of the plural; the singular form in the Pythagorean table of opposites is a 4th century version. Is it likely that an abstract term brought into use by Anaximander vanished without trace for 200 years to reappear only in Plato? By analysis of the testimony of Aristotle and Theophrastus the author shows that they speak their own language and certainly do not refer the term *apeiron* specifically to Anaximander. In *Phys.* III 4 Aristotle twice (203a3, 203b4) ascribes the doctrine of ἀπειρον as ἀρχή, to all his predecessors; no attempt to treat the passage (A15 DK), torn from its context, as evidence of a specifically Anaximandrian *apeiron* can stand up against criticism. Aristotle's words in *Phys.* 203b12 (ὅσοι μὴ ποιῶσι παρά τῶν ἀπειρον ἄλλας αἰτίας, etc.) are particularly revealing. Their connotation is that Anaxagoras and Empedocles postulated *apeiron* + *causa movens*, while «Anaximander and most of the

natural philosophers» postulated only the *apeiron*, i. e. the *causa materialis*. In fact *apeiron* is a Platonic designation of matter, and the author considers at least one Aristotelian passage (*Phys.* 203b4–15), which plainly shows the influence of Plato (cf. *Phaedr.* 245 D, *Simpl.*, *Phys.* 503, 13–14) and is in striking contradiction to Aristotle's essay on the infinite in *Phys.* III 4–8, to be a relic of an earlier version composed by Aristotle the youthful Platonist. Theophrastus (who applies the term *apeiron* also to the «matter» of Anaxagoras and perhaps to that of Anaximenes and Archelaus too) and all subsequent doxography derive from this same «Platonist» passage. There are no more grounds for ascribing the term τὸ ἀπειρον to Anaximander than there are for ascribing it to Anaxagoras, Empedocles and «the majority of natural philosophers». It is also significant that the only unquestionably authentic qualities attributed to Anaximander's ἀρχή, αἰδιος and ἀγήρωσ, do not appear in the neuter form.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ